

«...я никогда не отойду от Вас...» | "...je ne vous quitterai jamais..."

Auteur: Наталья Громова, [Коппе](#), 11.01.2023.

Дом в Коппе, где жил Лев Шестов с семьей. 1910-е гг.

В ноябре 2022 года писатель, историк литературы, драматург, журналист, финалист премий «Русский Букер» и «Большая книга» Наталья Громова, после 24 февраля 2022 покинувшая Россию, представила в Русском кружке Женевского университета свою новую книгу «Потусторонний друг», посвященную истории любви философа Льва Шестова и Варвары Малахиевой-Мирович, историю, начавшуюся в Швейцарии. Решив, что эта книга заслуживает вашего внимания, мы попросили Наталью Александровну выделить из объемного исследования «швейцарскую линию» - специально для Нашей

Газеты.

|
En novembre 2022 l'écrivaine et l'historienne de la littérature Natalia Gromova a présenté, au Cercle russe de l'UNIGE, son nouveau livre sur l'histoire d'amour entre le philosophe Lev Chestov et Varvara Malakhieva-Mirovitch. Voici une version abrégée, en exclusivité de Nasha Gazeta.

"...je ne vous quitterai jamais..."

В 1911 году по приглашению философа Льва Шестова Варвара Малахиева-Мирович приехала в Швейцарию погостить у него в Коппе, куда часто съезжались их общие друзья. Спустя годы она вспоминала о той встрече в своих дневниках: «11 июня 1947 года. Это было однажды на берегу Женевского озера, в Коппэ. Туда я приехала в одну из прибрежных вилл, занятую «Лёлей» – так звали его в кругу его друзей. Я приехала для того, чтобы познакомиться с его дочерьми, они от рождения жили с их матерью в Швейцарии. Отец же часто уезжал – и странствовал по всему широкому свету и почти половину годичного круга иногда жил в России – в Киеве, в Петербурге, в Москве.

В Коппэ, в тот день, который я вспомнила сегодня благодаря арии, какую он пел там по моей просьбе, я вспомнила так, что и запах тех роз, что цвели вокруг виллы, и неправдоподобно лазурные воды озера и синяя суровая, точно окутанная мглой Савойя – все ожило и задернуло полог над Москвой, над заширменным жребием моей старости, над сегодняшним днем. И над 30-ю годами разлуки, и над известием, что его уже больше десяти лет нет на «этом свете». И так несомненно было, что он – там, где он теперь, «живее живых». И казалось мгновениями его присутствие таким «галлюцинаторно-ясным» (сказали бы психиатры), что не было никакой возможности сомневаться в нем.

В тот вечер он пел для меня одной. Девочки ушли в горную экскурсию. Жена была в Париже – занята какой-то медицинской работой (она врач). Он пел, глядя мне прямо в лицо, в глаза, не отводя взгляда от моих глаз:

*In questa tomba oscura
Lasciami riposar,
Quando vivevo, ingrata,
Dovevi a me pensar.*

[In Questa Tomba Oscura. Бетховен

(Перевод с итальянского А. Глобы).

В могиле тёмной и тесной
Я обрел свой покой;
Мёртвым тебе я стал дорог,
В гробу любим тобой. – Прим.автора]

И дивный голос его звучал каким-то грозным вдохновением, с необычайной силой и властью, точно это был таинственный пароль для всех будущих наших встреч во все грядущие века, во всех пространствах мира.....».

Лев Исаакович Шестов (Иегуда Лейб Шварцман) родился 1866 году в семье крупного киевского фабриканта, купца первой гильдии Исаака Моисеевича Шварцмана. «Товарищество мануфактур Исаак Шварцман», имевшее к 1908 году трёхмиллионный оборот, славилось добротностью закупаемой им английской материи и владело крупнейшим в Киеве магазином по продаже тканей. Отец готовил для сына должность главы мануфактуры Шварцманов. К его неудовольствию Лев Исаакович не имел никакого интереса к делам мануфактуры и всячески избегал семейного бизнеса. Для молодого человека, который искал себя в литературе, эта идея была невыносима.

Варвара Малахиева работала учительницей в доме сестры Льва Исааковича. Софья Исааковна была замужем за сахарозаводчиком Балаховским. Летом 1895 года все собирались в имении Перевозовка под Киевом, где Варвара успешно учила детей Балаховских, чтобы заработать денег для поездки за границу. Сюда же, в Перевозовку, приезжал Леля Шварцман (так тогда звали Льва Шестова), который к этому времени сотрудничал в ведущих киевских газетах.

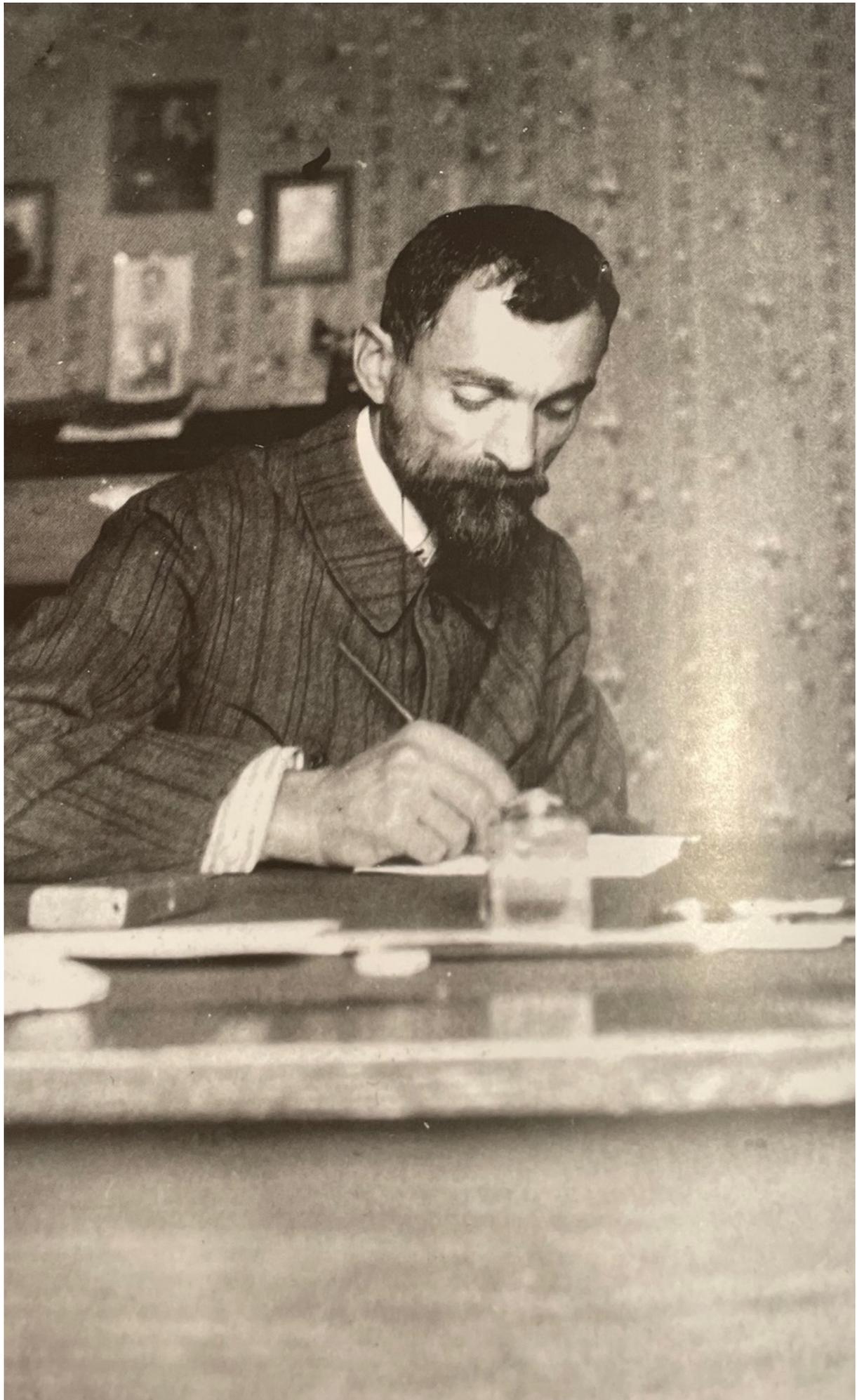
Панорама Киево-Печерской Лавры

Развитие отношений уже не очень молодых людей приходится на августовские дни 1895 года. Тогда, видимо, в ответ на его страстное письмо, которое нам неизвестно, Варвара Григорьевна ответила ему нежно, но отрезвляюще: «Зачем, друг мой, столько любви и столько чисто юношеской идеализации? Я не перестану повторять, что это идеализация, и придет время, когда Вы увидите, что я права. И увидите, что я не стоила Вашего чувства и что не взяла из глубины Вашей души, освещенной любовью, то, что считаете взятым у меня. Вы говорите, что я – «Ваша совесть». О, не говорите так! Эта фраза жгучим стыдом ударила мне в сердце, и еще более убедила

меня в том, что Вы любите не меня, а какой-то прекрасный образ, который воплотился для Вас случайно в моей особе».

14 августа, накануне письма-объяснения, которое она написала, почувствовав его страсть, она делилась с Львом Исааковичем мучительными раздумьями о своей духовной природе: «...дотронулись до бельма, которое заслоняло мне часть мира, и бельмо стало проходить, и я стала яснее видеть то, что было мне неясным, что я предчувствовала только, но что, я верю, станет частью моего сердца. И когда Вы будете умирать, то Ваша встреча со мной даст мир Вашей совести, хотя бы Вы ничего другого не сделали в жизни. И как хорошо, что Вам дано делать это «другое» почти везде, где Вы не появились. И если бы не Ваши дела с сукнами... Вы создали бы себе путь в жизни, не похожий на другие пути. Трудный, но без фальши и компромиссов, ведущий к правде».

По всей видимости, они отложили выяснение своей взаимной судьбы до возвращения Варвары Григорьевны из Европы. Осенью 1895 года вместе с семьей Балаховских она отправляется с детьми за границу. Как бы то ни было, Варвара Григорьевна была не готова к жизни с начинающим философом. Уезжая, она оставила Льву Исааковичу необычную «замену» – свою младшую сестру Анастасию.

Лев Шестов в Коппе, 1914 г.

Анастасия была существом насквозь литературным, не только воспитанным, но и созданным Варварой Григорьевной. Она писала стихи, вела дневники, в чем-то повторяя свою старшую сестру. В письме от 3 декабря 1895 года Варвара радуется возникшей дружбе Льва Исааковича и любимой сестры: «Как я рада буду, если Вы сблизитесь с Настей! Возле нее никогда не было вполне достойного ее мужчины. И был такой, который доставил ей много душевной боли и обиды. Подойдя поближе к ее душе, Вы увидите, что такая молодая, она ранена уже и не смеет быть доверчивой. Но когда Вы узнаете ее ближе, Вы увидите также, что это душа, достойная лучшей участи, чем пропадать в глухом закоулке Воронежа за непосильным трудом». Но выходит так, что девушка сама влюбляется в нервного и внутренне надломанного человека. Истерзанный душевной неразберихой Лев Шварцман делает предложение Анастасии. Влюбленная девушка готова выйти за него замуж. Но оказывается, что против этого брака – не только родители, которые предполагали, что их сын женится на богатой еврейской девушке, но и Варвара Григорьевна, которая, узнав о таком повороте, испытывает сильнейший прилив чувств к оставленному на попечение сестры другу и желает все повернуть назад. В результате этих сложных отношений возникает экстравагантное предложение Льва Исааковича: пусть сестры сами выбирают, кому из них выходить за него замуж. Это вызывает виток выяснений отношений совсем уже в духе Достоевского, о чем, впрочем, можно только догадываться, так как следы тех событий (за исключением одной маленькой записи Л.Ш.) остались лишь в дневниках Варвары Григорьевны.

«Человек, из-за которого мы «боролись», сам переживал в это время – писала в дневнике В. Г. Малахиева-Мирович – и отчасти на почве этой нашей борьбы – огромный идейный кризис. В житейской области он предоставил нам решать, кому из нас выходить за него замуж. Перед сестрой он чувствовал вину, как перед девочкой, которой «подал ложные надежды» своим чересчур внимательным и нежным отношением, (я в это время была за границей и сама поручила сестру моральной опеке его). С моей стороны уязвляла и пугала этого человека неполнота моего ответа на полноту его чувства. И все это перенеслось для него в философское искание смысла жизни и в тяжелую нервную болезнь, которая привела его в одну из заграничных лечебниц и потом на целые годы за границу. Я “уступила”, наконец, его сестре, но он за год заграничной жизни встретился с женщиной, которая с величайшей простотой и безо всяких с обеих сторон обязательств привела его на свое ложе. Она стала его женой. Он стал крупным писателем. Сестра заболела душевно и окончила свои дни в психиатрической лечебнице. А я по какой-то унижительной живучести осталась жить и без него, и без сестры, и “без руля и без ветрил”.»

Скорее всего, именно эта история стала знаком для сестер, который они запечатлели в общем псевдониме. Мирович – была фамилия героя сохранившихся в рукописи ранних автобиографических рассказов юного Льва Шварцмана, повествующего о своем неудачном писательстве. Но если Анастасия подписывает свои стихи «Мирович», то Варвара становится Малахией-Мирович.

Вера Малахиева-Мирович (справа) с подругой. 1908 г.

Женщина, которая «с величайшей простотой» привела Шварцмана «на свое ложе», – это Анна Березовская, с которой Лев Шестов познакомился в Риме в феврале 1897 года. В том же году они стали жить вместе. Их брак очень долго оставался тайным, и отец Шварцмана так и не узнал о существовании жены сына и двух внучек. 31 декабря родилась первая дочь, Татьяна; вторая, Наталья, появилась на свет 26 ноября 1900-го. Обе считались незаконнорожденными и носили фамилию Березовских. Только после регистрации брака в июне 1908 года, в Лондоне, они стали называться Шварцман.

Анастасия Мирович, работавшая медсестрой в психиатрических лечебницах и сама сошедшая с ума и умершая от голода в 1919 году в подмосковном сумасшедшем доме (больнице им. Яковенко), отозвалась на всю эту драму в своем стихотворении «Сестре» 1902 года.

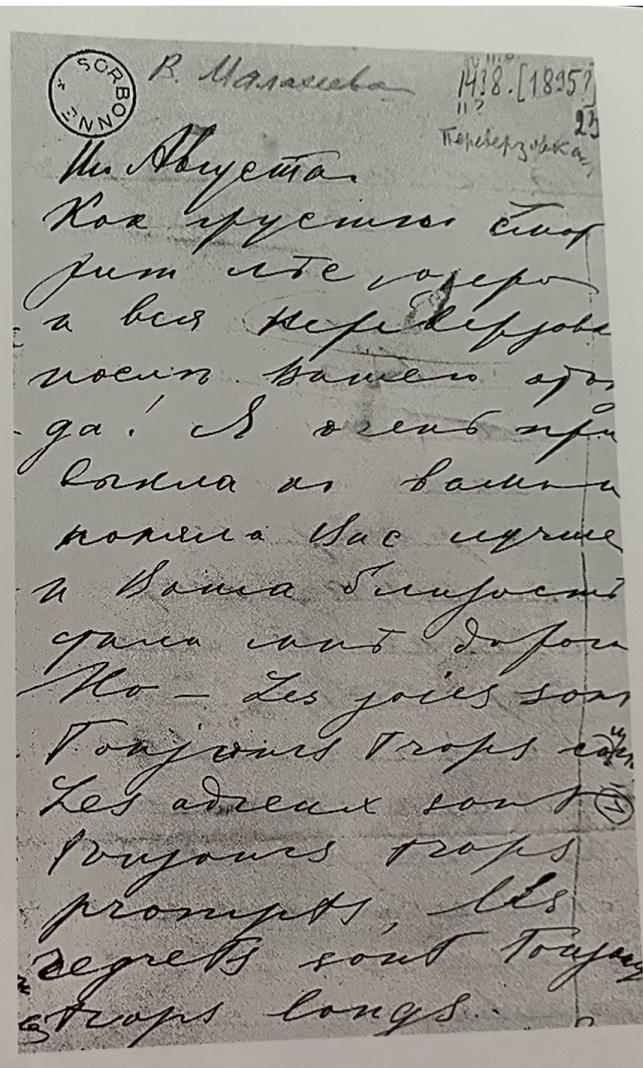
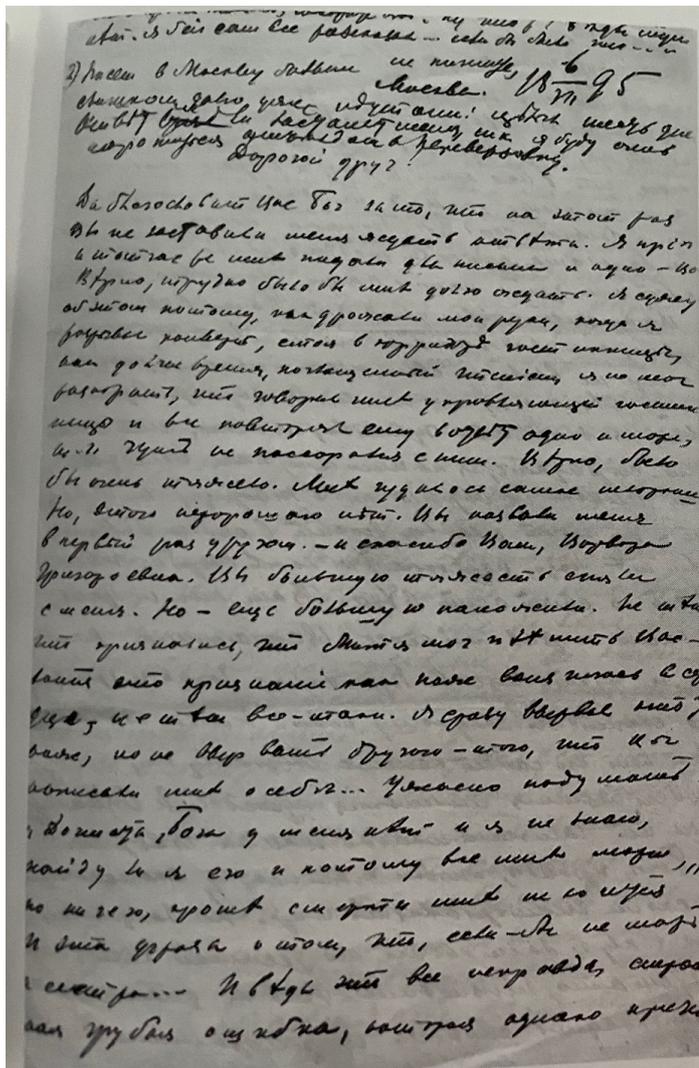
...Где, скажи мне, былая корона?
Кто низвел меня с пышного трона?
И в простую одежду одел,
И рассудку внимать не велел?

Что глядишь ты с печалью такую?
Я кажусь тебе странной, больною?
Золотистую пряжу прясти
Суждено мне на этом пути.

В золотистую пряжу из света
Я должна, я хочу быть одета!
Подожди... Ты увидишь меня
Королевой лазурного дня.

Летом 1914 года Шестов с женой и дочерьми ненадолго вернулись в Россию и поселились в Москве на Плющихе, в Новоконюшенном переулке. Шестов часто выступал в литературных и философских обществах, поддерживал дружбу с Вяч. Ивановым, М. Гершензоном, Н. Бердяевым, С. Булгаковым, сестрами Герцук, Г. Челпановым, Г. Шпетом. Его статьи печатали журналы «Русская Мысль» и «Вопросы философии и психологии».

Варвара же Григорьевна в 1914-1917 годах создала в Москве философско-литературный «Кружок Радости» для подростков, из детей друзей, в основном из девушек от 16 до 20 лет, целью которого было «писать рефераты на свободно избранные темы и раз в неделю сходиться в том или ином семейном доме для чтения и обсуждения их при моем участии». Членами кружка были Олечка Бессарабова, Нина Бальмонт, Алла Тарасова, Ольга Ильинская (сестра артиста Игоря Ильинского), дочь Шестова Таня Березовская, Евгения Бирукова (она станет поэтом и переводчицей), Лида Случевская, дочь художника и организатора Музея Игрушки Н.Д. Бартрама Стана, Софья Фрумкина и два юноши – внук Ермоловой и будущий известный врач Коля Зеленин и пасынок Бориса Зайцева Алексей Смирнов.

Письмо Льва Исааковича Варваре Григорьевне. Москва. 6 июля 1895 г. Письмо Варвары Григорьевны Льву Исааковичу. Переверзовка. 11 августа 1895 г.

Потом, уже в эмиграции после 1920 года, Шестов неоднократно в письмах Гершензону будет спрашивать о Варваре. В начале 1930-х Наташа и Татьяна Березовские, дочери Льва Исааковича, вышлют своей прежней наставнице немного валюты. А затем связь прервется. Но Лев Исаакович регулярно будет приходить к Варваре во сне, на страницы дневника, и его уход в 1938 году она безошибочно угадает.

Варвара Григорьевна говорила с ним и думала о нем до конца своих дней. Она считала его выше всех писателей и философов, которых знала. Она написала, что «он боялся жизни за всех людей — прошедших, настоящих и будущих, за общий всем жребий ничтожества, страдания, смерти и темноты загробных судеб. Он как бы поднял на свои плечи ту ночь короля Лира (недаром Шекспир был так близок ему), когда под рев степной бури, под грохот грозы Лир говорит: “Нет виноватых. Я заступлюсь за всех”. О смерти же он не раз говорил: “Это последний и, может быть, самый верный шанс узнать, бессмертны мы или нет”. И еще: “Если бы оказалось, что за смертью нас ничего не ждет, что нет ни Бога, ни бессмертия души — не стоило бы после этого жить ни одной минуты”.

- [Россия](#)
- [Статьи по теме](#)
- [Женевьева Пирон : «История - это когда падают памятники»](#)

[Враг разума на вилле в Коппе](#)

[Жак Медер: «Сон смешного человека» как завещание Достоевского](#)

Source URL:

<http://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/ya-nikogda-ne-otoydu-ot-vas>